

НАШ УН-Т В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

В один из осенних дней 1917 г. большая физическая аудитория нашего университета представляла собой необычайное явление: передние скамьи были заняты появившимися откуда-то матросами, которых с интересом рассматривали наполнившие остальные места вездесущие дамы, известные и неизвестные старички в очках, франтоватые студенты и просто какие-то субъекты без определенных профессий. Лекторский стол, обычно столь неопрятный и будничный, был покрыт ярким ситцем и украшен гравином с водой.

За столом в соседстве с некоторыми университетскими профессорами председательствовал «сам» Александр Федорович Керенский.

Происходило открытие «Матросского университета», туманной и недолговечной затеи управляющего морским министерством **Лебедева**, мечтавшего такого рода маневром привлечь матросов на сторону временного правительства.

Затея не удалась. «Университет» окончил свои дни еще раньше, чем почтобло само правительство Керенского. Университетские реакционеры, не сумев оказать существенной помощи Керенскому с матросским «Вузом», решили действовать иными путями.

Среди активных защитников временного правительства в Октябрьские дни семнадцатого года нашел себе место и целый ряд университетских студентов. Смешавшись с толпами юнкеров, они обстреливали рабочие отряды, скапливаясь главным образом в помещениях юнкерских училищ.

На экстренном заседании совета университета 26 ноября 1917 года ректор предложил почтить вставанием память погибших при обстреле Павловского и Владимира юнкерских училищ юнкеров, «часть которых, как сообщает протокол совета, были студентами Петербургского университета».

Разумеется, изъявлением этой трогательной признательности не окончились отклики университетских зубров на происходящие события.

Пожелавшие от времени листки протоколов совета за ноябрь 1917 г. сохранили нам текст воззвания, под которым единодушно подписались все члены университетского совета.

«Великое бедствие постигло Россию под гнетом насильников, захвативших власть. Народ русский теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продает свою душу и ценой постыдного и непрочного сепаратного мира готов изменить союзникам и передать себя в руки врагов. Это готовят России те, которые забывают о ее культурном призвании и о чести народной? Внутреннюю слабость, жестокое разжаривание и презрение к ней со стороны союзников и врагов... В твердом единении верных сынов родины служители науки и просвещения сознают ее мощь и преклоняются перед ее волей; они готовы всеми своими знаниями и всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую сестодная Россия возлагает на учредительное собрание».

Умиленно патриотическое настроение профессуры в заседании 26 ноября несколько разрушил декан восточного факультета, сообщивший о наличии в ученой корпорации чуть ли не большевика:

— Приват-доцент ун-та **Е. Д. Поливанов** является ныне сотрудником господствующей в Петрограде власти, при том в звании уполномоченного народного комиссара по иностранным делам,—должил декан.

Плодом преступления доцента Поливанова явилась следующая резолюция совета: «Совет, отнюдь не входя в оценку политической стороны, **ни даже моральной** (Sic! **В. Д.**) в чём бы то ни было поведении, выражает глубокое сожале-

ние, что приват-доцент Е. Д. Поливанов, высоко ценимый в факультетской семье как молодой ученик, оказался активным членом в среде лиц, в такой мере неразборчивых в приемах воздействия, что создается очевидная угроза наличием в России общечеловеческим культурным ценностям, что исполнители их воли с убийственным равнодушием и явной жестокостью не щадят и немногих живых культурных сил... вызывая тем единодушное возмущение целой коллекции (востоковедов. **В. Д.**), политически разномыслящей, но по самому существу своего культурно-просветительского дела нейтральной».

Характерно, что правительство и совет ун-та долгое время делали попытку не считаться с Октябрьской революцией, как с совершившимся фактом. Еще в декабре 1917 года совет ун-та разбирает циркуляры съезда министра народного просвещения, открывает прения по поводу этих циркуляров и ставит на голосование вопрос о соглашении или несоглашении с мнением министра.

Девятого декабря совет университета собрался исключительно для того, чтобы соответствующим образом отозваться на арест советской властью известной реакционерки графини С. В. Паниной. «Совет, — говорится в резолюции собрания, — не может не воззвать свой голос негодующего протesta против лишения свободы и клеветнических налетов, введенных на графиню Панину».

В виде протesta против действий большевиков **графиня единогласно избирается в почетные члены петроградского ун-та** и «совет это избрание приветствовал шумными аплодисментами», — говорит протокол.

Это была последняя графиня, избранная в почетные члены нашего университета.

В. Добронравов.

масс студенчества вокруг турь.

Факты? Вот они. Факультет права не имел ни одной группы в прошлом году, п (кроме СТС) ни разу не на обсуждение вопросов туры, «Студ. Правда» не жизни тысячной массы, инизация, комсомачеки не

Тупое

Последнее постановле ВКП(б) о физкультурном («Правда» от 16/X—29 г.) изменяет старую постановы по физкультуре. Вместе межведомственного разнообразия создается СССР всесоюзный советской культуры. Постанов переводит всю работу на централизацию и орабочего физкультурного аппарата.

Посмотрим, в каком находится физкультурная наука в университете и будут на эту работу падомомольские организац

В правлении университета вариваются о том, чтобы спорта под механическим раторию.

Выступление председа полпрофбюро на последнемольском активе говорит о незнании судьбы спорта. Более того, студенческая организация вовсе не интересует физкультработой в университете. Вопрос о физкультуре исполнпрофбюро никоился. Если и заходили разговоры, то они частным порядком.

Не лучше обстоит дело коллектива ВЛКСМ. Его «стество» заключалось в при окончательном развлечении «Спартака» группой ре мальцев) обращалась за ем в буero коллектива. коллектива или чаще от секретарь собирал ребя